

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, ординарного профессора Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"» Игоря Николаевича Данилевского о диссертации Татьяны Юрьевны Фоминой «Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие», представленной в виде рукописи на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: 07.00.02 — Отечественная история

Представленная Т.Ю. Фоминой рукопись является вполне оригинальным самостоятельным квалификационным исследованием, посвященным организации и внутренней жизни архиереев домонгольской Руси. Впервые в историографии автор подвергает систематическому анализу ретроспективную информацию источников по целому ряду вопросов, связанных с происхождением, структурой и эволюцией архиерейской власти на территории Древней Руси с X по вторую четверть XIII в. Такая постановка вопроса представляется достаточно актуальной как в собственно научном плане, так и в плане политическом. К сожалению, до настоящего времени большинство вопросов, затронутых в диссертации Т.Ю. Фоминой, прежде рассматривалось лишь спорадически. Причем, довольно часто авторы предыдущих исследований исходили из общих соображений, а также опирались на канонические нормативные акты и практику организации и функционирования зарубежных церковных организаций, привлекая свидетельства древнерусских источников в основном в качестве иллюстраций к своим построениям. Между тем, обращение ко всему комплексу дошедших до нашего времени источников позволяет в целом ряде случаев подвергнуть существенной критике и корректировке сложившиеся общепринятые представления. Этим, собственно, и занимается соискательница.

Работа включает введение, четыре главы, заключение и список использованных источников и литературы. В целом, структура работы

выглядит вполне логично, соответствует цели и задачам, поставленным перед собой исследовательницей, и не вызывает принципиальных возражений. Хотя, несколько странно, что сначала, на протяжении всей первой главы рассматриваются источники архиерейской власти на Руси и лишь в первом параграфе второй главы дается определение того, кто же такие архиереи (§ 2.1), а вопрос об экономических основах епископской власти рассматривается в самую последнюю очередь (§ 4.2), хотя понятно, что от того, насколько были независимы архиереи в экономическом плане, не в последнюю очередь зависели многие вопросы с их метом и ролью в древнерусском общества. К сожалению, соискательница не поясняет, что заставило ее именно так построить свое изложение.

Во Введении обосновывается актуальность исследуемой проблемы, рассматривается степень ее изученности, определяются источниковая, методологическая и методическая база исследования, обосновываются его хронологические и территориальные рамки, формулируются цели и задачи и, наконец, предлагается структура работы. Некоторые вопросы вызывает структура введения. Так, скажем, автор одной из своих задач называет выявление источников по теме исследования. Однако характеристика источникового корпуса, на который она собирается опираться, уже был ею охарактеризован. Видимо с этим связано то, что в числе источников Т.Ю. Фомина называет и такие виды, которые она не собирается исследовать, поскольку они не содержат никакой информации по интересующим соискательницу вопросам (с. 41-42). Возникает вопрос, зачем вообще упоминать источники, «ни один из которых не позволяет уточнить вопросы, которые подняты в рамках данного исследования», тем более, что число их поистине необозримо?

Нуждается в уточнении и сама характеристика привлекаемых источников, а также их информационных возможностей для решения исследуемых проблем. Так, княжеские уставы, регламентирующие вопросы отношения с церковью (с. 39-40), относятся не к актовым материалам, а к

законодательным источникам, поскольку формулируют новые правовые нормы. Агиографические же материалы, помимо той информации, о которой пишет соискательница, предоставляют читателю *образцы поведения*, тем самым легитимируя определенные модели отношений между представителями духовной и светской власти, что в контексте данной работы заслуживало бы особого внимания.

Автору следовало бы большее внимание обратить на историю текстов источников, которые она анализирует. В частности, необходим более осторожный подход к сообщениям начальной части Повести временных лет (по крайней мере, до конца 60-х годов XI в., когда на смену монотематическому рассказу приходят «погодные» записи: до этого времени таковые, судя по всему, отсутствуют). Не менее осторожного отношения требуют и уникальные сведения Никоновской летописи, на которые то и дело ссылается автор, говоря о ранней истории Руси. При этом ни во введении, ни в основном тексте диссертации не рассматривается вопрос о происхождении этой информации, об источниках, на которые опирались (или, хотя бы, могли опираться) составители этого - одного из самых поздних - летописных сводов. Лишь однажды Т.Ю. Фомина, привлекая свидетельство Никоновской летописи, оговаривается: «возможно, поздний свод лишь пытался восстановить события второй половины XII в., исходя из традиций и канонической культуры своего времени» (с. 210). Между тем, без дополнительного анализа привлечение поздних известий представляется не вполне корректным.

Вызывает удивление утверждение Т.Ю. Фоминой, что методологической основой данного диссертационного исследования является герменевтический подход (с. 45). Ни в одном из разделов соискательница не использует герменевтический анализ источников. Работа построена на добротном позитивистском основании - и в этом ее сильная сторона. Автор собирает и тщательно анализирует буквальный смысл сообщений широкого круга исторических источников, сравнивает их с утверждениями,

встречающимися в специальной литературе, и на этом основании делает хорошо обоснованные выводы не только о том, как формировалась и развивалась архиерейская власть на Руси в первые три века ее существования, но и определяет целый ряд проблем, ответ на которые не может быть получен при таком подходе.

Не менее странным выглядит утверждение, что герменевтический подход разрабатывался в трудах И.Я. Фроянова, Я.Д. Шапова, А.В. Назаренко и др. Ни один из перечисленных авторов никогда не обращался к проблемам герменевтики и уж тем более не занимался разработкой этого подхода. Такой тезис может быть объяснен лишь крайне своеобразным пониманием того, что представляет собой герменевтика. В частности, соискательница полагает, что герменевтический подход как-то связан с рассмотрением процессов «в рамках социально-политического развития» и комплексным подходом к решению изучаемых проблем. Остается лишь порекомендовать автору ознакомиться с классическими трудами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Г.Г. Шпета Г.-Г. Гадамера, П. Рикера и других специалистов в этой области.

В основной части диссертации Т.Ю. Фомина рассматривает следующий круг вопросов: происхождение архиерейской власти на Руси, условия ее возникновения, распределения и организации архиерейских центров, а также место древнерусских митрополитов и епископов (архиепископов) в жизни древнерусского общества (1 глава); место и роль древнерусских архиереев в церковной организации Древней Руси (2 глава); принципы отбора кандидатур и порядок поставления древнерусских архиереев (3 глава), а также принципы осуществления ими своих властных полномочий (4 глава).

В Заключении автор подводит основные выводы своего исследования.

В целом, основные выводы, к которым приходит соискательница, выглядят достаточно обоснованными и не вызывают принципиальных возражений.

Особенно важно подчеркнуть, что Т.Ю. Фоминой удастся выделить комплекс проблем, которые на данном уровне исследования не находят своего решения и требуют дальнейшей разработки. К наиболее важным из них, на мой взгляд, относятся следующие: «При скудности и фрагментарности сведений исторических источников не всегда представляется возможным проследить динамику развития процессов церковного управления, формирования канонической культуры, материальных аспектов существования епископских кафедр», а также: «Необходимо [в дальнейшем. - *И.Д.*] провести сравнительный анализ институтов архиерейской власти на Руси изучаемого периода с европейскими (римской церковью, Священной римской империей) и восточнохристианскими (Византией, Болгарией, Сербией) церквями, определить роль и место русского епископата в системе внутрицерковных отношений христианского мира, проследить различия и выявить типологические сходства в церковно-государственных отношениях, материальном обеспечении епископата на Руси и в странах христианского мира. Важнейшей проблемой является определение особенностей богослужебной практики и формирование корпуса канонической литературы в различных русских княжествах и выявление источников появления данных традиций на территории Руси» (с. 265, 273-274).

При общей положительной характеристике данного исследования, некоторые его моменты вызывают определенные сомнения и нуждаются в дополнительной разработке или пояснениях.

Так, вряд ли можно полностью согласиться с тезисом автора, что «к 30-40 гг. XIII века происходит процесс постепенного смещения политических и церковных центров из Киева и Новгорода в Северо-Восточные регионы Руси» (с. 44). Если значение Киева после общерусских походов, организованных Андреем Боголюбским, действительно, стало падать, то «политическое» место Киева на западе русских земель заняли вовсе не некие центры Северо-Востока, а Галич. При этом, однако, Киев продолжал

оставаться официальным (и фактическим) религиозным центром всех русских земель вплоть до конца XIII в. Попытка Андрея Боголюбского создать вторую митрополичью кафедру во Владимире-на-Клязьме, как известно, провалилась. Новгород же вплоть до XVI в. никогда не утрачивал значения политического и религиозного центра Северо-Западной Руси.

Полагаю, следовало бы с большим вниманием рассмотреть вопрос о том, откуда, собственно, пришло оформление церковной организации на Русь. Автор лишь походя упоминает о гипотезе М.Д. Приселкова о роли в этом деле Охридской епархии. Между тем, уже то, что церковная служба на Руси изначально велась на славянском, а не на греческом языке, заставляет пристальнее рассмотреть древнерусско-болгарские конфессиональные связи. Официальное принятие в 864 г. болгарским князем Борисом I христианства из Византии стало прологом к настойчивым попыткам Первого Болгарского царства добиться не только политической независимости, но и автокефалии своей церкви. Уже сын Бориса, князь Симеон I, присвоивший титул «василевса ромеев», поставил в 893 г. на болгарскую епископскую кафедру Климента Охридского — ученика и последователя свв. Кирилла и Мефодия (что невольно напоминает упоминаемые в диссертации поставления древнерусскими князьями на кафедры митрополитов и епископов), а Преславский собор принял решение заменить греческий язык в богослужении староболгарским, с чем Константинополь вынужден был смириться, а в 927 г. болгарская церковь получала патриаршество с центром в Преславе. Да и жена Владимира Святославича Анна называется в источниках то византийской принцессой, то «болгарыней».

Рассматривая вопросы, связанные с социальным статусом архиереев, автор справедливо отмечает, что «общественное положение высших церковных иерархов домонгольской Руси отличалось чертами большого разнообразия и индивидуальных особенностей» (с. 112). В то же время, подчеркивается, что архиерейские кафедры были «полем ожесточенного соперничества между митрополичьей (в лице архиереев греков и русинов) и

епископской властью, между кандидатами в сан архиерея и политическими элитами княжеств (князьями, боярскими кланами)» (с. 93). Из этого может следовать вывод, что социальная роль и место древнерусских архиереев в жизни древнерусского общества зависели от того, чьим ставленником был тот или иной архиерей. Установить, так это или нет, можно только при тщательном анализе свидетельств источников. Однако Т.Ю. Фомина такой возможности, к сожалению, не рассматривает.

Странной представляется ссылка на конкретные страницы издания Новгородской первой и Ипатьевской летописей для подтверждения тезиса, что «деятельность еще одного легендарного митрополита - Иоанна - не нашла отражения в древнейших русских летописях» (с. 115). Вообще, соискательнице следовало бы внимательнее отнестись и к составлению научно-справочного аппарата. Так, на с. 116 автор отсылает читателя к стб. 139 издания Ипатьевской летописи для подтверждения информации о «двойной кадровой перестановке», совершенной Ярославом Владимировичем в Новгороде в 1034 г.; однако там находится статья 6545 г., в то время как нужный текст расположен на предыдущей странице. Неверно дана и ссылка 596 на с. 137, и примечание 622 на с. 142 (при том, что сам текст летописи в обоих случаях воспроизведен не совсем точно), и ссылка 656 на с. 152. Следовало бы цитировать древнерусские источники не по переводам, а по реальным текстам (ср.: с. 138, прим. 600; с. 139 и др.). Думаю, следовало бы воздержаться и от ссылок (а тем более, цитирования) на так называемую Иоакимовскую летопись (с. 120), которая, как показали исследования А.П. Толочко, является плодом воображения В.Н. Татищева.

Не украшают диссертацию и ссылки при прямом цитировании летописного текста не только на сам источник, но и, зачем-то, на исследования (см., напр.: с. 122, прим. 531; с. 126, прим. 550, и др.).

На с. 173 автор утверждает: «мы не располагаем данными, что в рассматриваемый период киевский митрополит обладал властью над игуменами Печерского братства. Назначение настоятелей монастыря и их

перемещение зависело от воли братии. Только в конце XII в. ситуация изменилась». С этим тезисом трудно согласиться, т.к. еще в середине XI в. игумен Антоний явно не по своей воле и не по воле братии был вынужден покинуть свой пост (ср.: «изъгнанъ бысть святыи отецъ Антоние княземъ Изяславомъ»), который был занят княжеским ставленником Варлаамом (см.: Киево-Печерский патерик). Зато известно и то, что в 1074 г., по просьбе киевского князя Изяслава, Феодосий Печерский поставил игуменом Дмитровского монастыря постриженника Киево-Печерского монастыря Исаяю. Между тем, случаи поставления на игуменство настоятелями других монастырей в диссертации не рассматриваются. Отмечается лишь, что «в отношении формирования кадров настоятелей можно выделить две традиции: избрание кандидатуры братией и назначение игумена ктитором», а «на примере Киево-Печерского и Антониева монастыря при выборе игумена фиксируются попытки вмешательства во внутренние дела монастыря со стороны княжеской и архиерейской власти» (с. 179).

Рассматривая вопрос о порядке поставления древнерусских архиереев, автор отмечает: «чаще в летописях применяется безличная форма, без уточнения "поставиша"» (с. 207). Показательно, однако, употребление во всех таких случаях множественного числа. Это обстоятельство, на мой взгляд, требует специального анализа, который, возможно, позволит автору уточнить процедуру хиротонии.

Порой автор не вполне точно понимает цитируемые тексты. Так, на с. 250 слово «полавачник» она толкует как «зимнюю повозку на двух полозьях», а «убрус» - как «женский головной убор» (не поясняя, какое отношение повозка и женский головной убор могут иметь к системе налогообложения в пользу епископской кафедры). Между тем, обращение к историческим словарям русского языка позволяет совершенно иначе понимать эти слова. *Полавочное* - плата с лавки, пошлина с владельца лавки, обок с арендующего лавку; *полавочный* - относящийся к плате, пошлине за пользование торговой лавки (СлРЯ XI-XV вв. Т. 16. С. 190); *полавочный*,

полавочъное - подать с торговых лавок (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1122). Обращает на себя внимание и то, что само это слово фиксируется только со второй половины XVI в., что делает сомнительным привлечение источника, в котором оно используется, для изучения процессов, происходивших в домонгольской Руси. *Убрус* - платок, полотенце; *новоженьный убрус* - особый налог, взимаемый с новобрачных; *убрусъный, убрусъное* - вид пошлины, налог, взимаемый с новобрачных (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 3. Стб. 1117-1118). Характерно, что и это значение фиксируется не раньше конца XV в. К тому же времени относится и фиксация упоминаемого в той же грамоте слова *бредник*.

Непонятно, в каких именно статьях Русской Правды автор усмотрела «аналоги» наказаниям за оскорбление и скотоложество, «находящихся в юрисдикции архиереев» (с. 251).

Рассматривая недвижимость как составную часть «обеспечения материального положения церкви» (с. 251-252), Т.Ю. Фомина предпочитает ссылаться на поздние упоминания в Никоновском своде, игнорируя по непонятным причинам ранние свидетельства (например, упоминание о передаче киевским князем значительных населенных земель Киево-Печерскому монастырю уже в 80-х годах XI века), а также актовые материалы (прежде всего, вкладную грамоту Мстислава Владимировича и Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю 1125-1132 гг.).

Говоря о материальном обеспечении монастырей, соискательница справедливо отмечает, что «уровень состоятельности обители напрямую зависел от ктитора и пожалований» (с. 262). Смущает, однако, что в общий ряд поставлен Киево-Печерский - первый известный нам общинножительный, а не особножительный, как все прочие, - монастырь: «Даже в материально обеспеченном Печерском монастыре случались затруднения с содержанием братии». В том-то и дело, что в Печерском монастыре на ранних этапах его существования монахи обеспечивали себя

преимущественно сами и, практически, не зависели от ктиторов и пожалований. Поэтому приведенные примеры не могут служить подтверждением основного тезиса.

Тем не менее, данная работа, несомненно, отвечает основным требованиям, предъявляемым ВАК к исследованиям, представляемым на соискание ученой степени доктора исторических наук. Основные выводы ее имеют достаточные основания, прошли необходимую апробацию и нашли отражение в 45 публикациях (в том числе, 18 в изданиях, рекомендованных ВАК, а также 3 монографиях, две из которых написаны в соавторстве) и автореферате. Полагаю, что автор данного исследования, Татьяна Юрьевна Фомина заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 - Отечественная история.

Доктор исторических наук
(07.00.09 - историография, источниковедение
и методы исторического исследования),
профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук
ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"»

И.Н. Данилевский

13.03.2015

Данилевский Игорь Николаевич

Место постоянной работы:

Школа исторических наук Факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВПО
«Национальный исследовательский университет "Высшая школа
экономики"»

Должность: профессор

Почтовый адрес места работы: 107996, г. Москва, ул. Петровка, 12

Телефон: +7 (495) 621-66-43

Электронная почта: 1clatlouzky@vse.ru